

ность прелестная. Но любить его, мне кажется, как-то трудно. И ведь русская девушка *не могла* его полюбить. А как это хорошо! И какая же она славная! И что всего удивительнее, мне даже приятно, что она не вышла за него замуж, т.е. никак не смогла полюбить его.⁴ А человек ведь удивительный он был. Тут какая-то есть разница между лучшим западным человеком и нашим — разница, которой я не пойму... Однако я не о том хотел говорить.) Мне сегодня пришлось говорить с одним «европеизующим» субъектом. Он мой приятель и человек хороший, добрый. Он говорит, что человеку надо иметь возможность — развивать свой ум, тело и нравственное чувство... Только это, и больше ничего. Хорошо питаться, иметь досуг для развития ума и нравственного чувства — и все. А этого, прибавил он, я и без православия вашего, в социализме найду. Правда это? По крайней мере, до появления «Дневника», т.е. года два тому назад, и я то же говорил. С тех пор пошатнулось во мне старое, а к новому, более путному, я никак не могу прийти... Я хочу, я желаю быть *русским* (по рождению я коренной русский, православный, сын сельского священника), но я не пойму многого. Я не понимаю, что же это такое даст миру православие, или православное славянство, чего бы там не было в социальных (лучших) школах, над чем бы там не трудились? Прудон, Лассаль и многие другие. А мы ведь скажем что-то такое, чего там не было. Положим, общинное землевладение, надел и т.д. — все это так, конечно. Но все это, кажется, не то, недостаточно определяет ответ, не в существенном, по крайней мере. Разве в характере русского человека? В общем народном характере? Но какой же он, этот характер? Какими чертами его можно определить. Мне думается, только вот не могу себе я ясно представить и сформулировать, что все это общинное землевладение и многое другое, и даже само православие есть следствие, а не причина.

Это письмо когда-то написано (и не закончено) было с тем, чтобы послать Вам. Да так и осталось. [Не знаю] Попалось случайно сейчас в руки и не знаю почему, хочется послать.⁵

Печатается по подлиннику: РГАЛИ (б. ЦГАЛИ), ф. 212.1.106.

Частично опубликовано: Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 120.

На письме рукой А. Г. Достоевской (?) проставлен год: «1876», исправленный затем на «1877».

Письмо, представляющее собой неперечисленный черновик, является откликом на ноябрьский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Послано письмо, видимо, было позднее (см. приписку к нему), но ввиду отсутствия почтового конверта (не сохранился) невозможно установить, когда Достоевский получил его.

¹ Фраза: «Зачеркнутое ~ написано» — *приписана позднее.*

² Текст: «Может быть — в первый раз» — *зачеркнул автором письма.* Это отклик на главу первую ноябрьского выпуска «Дневника писателя», включающую подглавки «Что значит слово „строющие“?» и «История глагола „стусеяться“» (см. 26, 63—67).

³ Вопросы эти — отклик на развитие в главе третьей ноябрьского выпуска «Дневника писателя» мысли Достоевского о католицизме, социализме и православии: «Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение <...> и бывшее таким образом главнейшей причиной материализма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упадка христианского в ней начала, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистотой своей в православии. С Востока и пронесется

новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество» (26, 85).

⁴ Речь идет о публикации рассказа С. «Фии Адриановны» С. «Ольцевой-Засекиной» «Романтический эпизод из жизни Фердинанда Лассалья» (Вестник Европы. 1877. № 11. С. 119—186), повествующего о знакомстве ее с Лассалем в 1860 г., влюбленности его в нее и сделанном им предложении, которое она отвергла.

⁵ Текст: «Это письмо ~ хочется послать» — *приписан позднее.*

Я. П. ПОЛОНСКИЙ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ

(Публикация В. А. Туниманова)

Фрагменты из дневника Я. П. Полонского 1870-х гг. были напечатаны в историко-литературном сборнике «На чужой стороне», вышедшем под редакцией С. П. Мельгунова при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина (Берлин; Прага, 1925. Сб. 5. С. 41—51). Ранее в 4-м сборнике (Берлин, 1924) были напечатаны другие фрагменты дневника поэта («Дневник. — Россия в 1876 году». С. 88—101). Редакция сопроводила вторую публикацию следующим примечанием: «Копия, с которой мы печатаем отрывки дневников Я. П. Полонского, написана рукой его жены Жозефины Антоновны. По-видимому, некоторые места текста переписчица поняла неверно» (С. 41). Редакция ошиблась, озаглавив публикацию «Из дневников Я. П. Полонского в 1878 г.». Только первая запись (8 августа) 1878 г. — своеобразная горестная увертюра к дневниковым записям за сентябрь 1876 г. Последняя запись — 30 сентября, содержащая сочувственный отклик на только что доставленный Полонскому сентябрьский выпуск «Дневника писателя», самый «политизированный» выпуск «Дневника», почти всецело посвященный восточному вопросу.

1876 год вообще прошел для Полонского под знаком «Дневника писателя» Достоевского. Большое впечатление на поэта произвел первый (январский) выпуск «Дневника писателя». 4 февраля он писал Достоевскому: «В Вашем дневнике есть одно достоинство, которое, чего доброго, не понравится нашей читающей публике: в нем есть ум и серьезность <...> читая дневник Ваш, я волей-неволей должен был почувствовать, что мы с Вами дети одного и того же поколения, так что если бы мы разглядели те нравственные нити, которые связуют нас, мы не поддались бы тому духу розни или нравственного распада, который нет-нет да и подскажет на ухо: видется хорошо, а не видается еще лучше» (Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.; Пг., 1923. С. 75).

Достоевский в тот же день откликнулся на добрые слова Полонского, поблагодарив за письмо. Позднее Достоевский подарил ему вышедший отдельной книгой «Дневник писателя» за 1876 г. с надписью:

Якову Петровичу
Полонскому
дорогому поэту
от автора.

8 августа. Прошло с лишком два года с тех пор, как эта тетрадь ушла из моих мыслей, была мною позабыта и только неделю появилась, чтобы напомнить мне о своем существовании.

Много воды утекло с тех пор.

Одна война была пережита, были блистательные победы, доведшие нас до стен Константинополя и, наконец, вся эта величественная поэма, в которой проявился дух России, продолжалось опять тупоумие, продажность, пошлость и суетное тщеславие, все это кончилось Берлинским Конгрессом, позором России, и все, что мы, все русские, чувствовали и чувствуем, высказалось в знаменитой речи И. Аксакова, за что он и потерял свое место, получил высочайший выговор и сослан. В это время ранен Трепов и оправдали Засулич, а на днях совершилось новое преступление: убит Мезенцев, генерал, начальник третьего отделения. Подробности этого события всякий может прочесть в газетах... Не стоит записывать предположенья про убийцу, могут и не оправдаться впоследствии.

Но вчера — вчера вечером прислали мне на просмотр выписку из высочайше одобренного журнала особого совещания по вопросу о причинах, препятствующих положить предел усиливающейся противоправительственной агитации и мерах, какие, полезно было бы принять к ее ослаблению.

Записка, конечно, составлена нашими государственными людьми, и, когда я читал ее, я думал, что ее составили дети под руководством своих гувернеров, до такой степени она пуста и несостоятельна.

Наши государственные люди видят вред в распространении образования в России и, чтобы убить социализм, придумывают средства ограничить число учащихся, т.е. хотят подлить масла в огонь! Ослепцы!.. о, маленькие люди, которые хотят остановить поток идей в силу всеокрушающего времени!..

15 сентября. Нынче утром вдруг попался мне на глаза один номер, а именно 23 декабря 1862 года, издававшийся когда-то И. Аксаковым. Я ухватился за него, как за случайную архивную находку, и стал читать.

И чем более читал я, тем более проникался не только грустью — злостью на наше недалекое правительство.

Давно уже, по его милости, Аксаков прекратил свою деятельность как журналиста. Давно уже по приказанию наших властей закрылся у России этот глаз, пристально наблюдающий за врагами России — Австрией и поляками. — Один этот номер, — едва ли наполняющий № «Дня», показался мне совершенством, до такой степени много в нем фактов, имеющих живую связь с настоящими событиями на Востоке, даже говорится о восстании герцеговинцев и посылке турецкого войска в Боснию и о подкупах и интригах Австрии.

17 сентября. Виделся в Комитете с нашим 70-летним стариком Есиповым. Он только что вернулся из Сербии, куда ездил на лето не столько из любопытства, сколько по любви своей к вопросам о славянах. Вот, между прочим, что я от него слышал. В Белгороде всюду на дорогах в вагонах и в гостиницах господствует немецкий язык.

Русского языка сербы не знают. Австрийские газеты в кафе получают массами, и все сведения о России почерпаются из враждебной нам австрийской прессы. Русские газеты можно было видеть только в русском консульстве или у некоторых русских.

19 сентября. Был у Победоносцева, К. П., застал у него англичанина, туриста, некоего М-г Alexander — впервые посетившего Москву и приехавшего в Россию. Ему очень нравится Петербург, и когда я сказал ему о наших мостовых, он ответил, что готов подрядиться доставить в Петербург для мостовой камень из Шотландии, где на севере будто бы климат не лучше нашего и где эти мостовые в городах удивительно как долго сохраняются. К. П. Победоносцев повез этого туриста в Славянский Комитет — зачем и для чего не знаю.

Брошюра Gladstone в один день раскупалась в Лондоне в количестве 40 000 экземпляров, переведенная на русский язык — была задержана русской цензурой, но кое-как прошла и на днях появится в продаже — о войне ничего не известно.

Воротившись домой, я застал дома Григоровича, Д. В.

Что наговорил он в этот вечер, того не упишешь и на ста листах, — но вот главная суть разговора или высказанных им мыслей и фактов.

1. Победы сербов, если только действительные слухи о победе Черняева достоверны, рано или поздно поднимут все магометанское население Турции и доведут его до ярости, до иступления. Опять началась резня христиан и жесточайшие их истязанья. — Это дойдет до того, что поневоле Европа должна будет вступить, и мы введем в Турцию войска свои.

2. Если будет война с Австрией — мы, как бы ни была она вооруженной, в один месяц ее расколотим — так что только пыль столбом пойдет — почему, а потому, что

3. Вся Россия — все от гвардии до последнего мужика изныли от тоски и скуки. Каждый теперь рвется куда-нибудь — лишь бы не умереть от нравственного и всяческого застоя. Так война эта будет одна из самых отчаянных, так как в России 80 миллионов. Она такая сила, что не расшибленной Австрии с ней бороться, а

4. Россия дошла до такого предела чудовищного беспорядка, всяких гадостей и мерзостей, что дальше идти ей некуда. Скоро жить будет в ней невозможно, будут или бунты или война — нет другого исхода.

5. Не найдешь места в правительственном мире, нет чиновника, способного на то дело, к которому он призван. Ни одного дельного министра — все они окружены плутами и ворами. Ничтожество и бездеятельность по протекции получают места и назначения. Как пример нелепости Григорович рассказывал следующее:

В Москве строят новый Музей. Чтобы его построить, отыскивали старинное здание, где жил царь Годунов, — здание, которое само по себе стоит музея, как уцелевшая древность. Чтобы отыскать эту драгоценность, потребовалось 200 000. Такой музей будет стоить с лишком миллион. Кроме того, на Пречистенке уже занят дом, громадный дом (кажется, Нарышкина) чиновниками, которые будут состоять при этом будущем музее, — все они уже имеют квартиры и получают жалованье.

Григорович знаком с некоторыми из них и говорит, что эти будущие представители музея ничего не знают, какой это будет музей, для чего? что в нем будет? и вообще о древностях и искусстве не имеют никакого понятия. Все это протеже разных директоров департаментов — туеядцы и больше ничего.

б. Высочайшие повеления не исполняются, можно видеть в каждом селе, в каждой деревне. По высочайшему повелению изба от избы должна отстоять не ближе 3 1/2 саж., а пространство между ними должно быть усажено деревьями. Это мудрое распоряжение против пожаров нигде не приводится в исполнение.

Вот бы кого нужно было казнить. Вот для кого нужны были палки Петра Великого, а не на этих несчастных молодых людей, обвиняемых черт знает в каких несбыточных замыслах.

Много отвратительного до невероятности рассказывал он о нашем морском министерстве. Пруссия на 170 миллионов (или около этого) создала 20 броненосных судов. Россия на 250 миллионов в то же время создала два броненосца, которые оказались негодными. Куда девались эти миллионы — украдены, а чтобы лучше красть, вот что делали. Велят, например, строить броненосное судно. Когда оно готово, в. к. К.* приказывает сделать из него двухбашенный миноносец. Когда готов двухбашенный миноносец, приказывают ломать и сделать пловучую батарею. Затем из пловучей батареи опять двухбашенный миноносец. На эти перестройки из казны, конечно, идут миллионы, и сотни тысяч перепадает в карманы администраторов.

Это так отвратительно, что не верится. На днях, сказал мне Григорович, виделся он с одним из придворных Анничкова дворца — и когда он говорил с ним о печальном положении России, придворный сказал ему: Вот подождите, Александр III все возьмет в ежовые руки и все подтянет. Что же он сделает? — спрашивает его Григорович. Он стеснит теперешнюю свободу.

Хорошее пророчество, нечего сказать.

У нас все беспорядки, все злоупотребления, все гадости происходят оттого, что все честное и мыслящее пикнуть не смеет, оттого что свободы у нас и не привычны, никто не чувствует себя свободным, а нам угрожают не карою суда, а стеснением свободы. По мнению Григоровича, для России еще нужна палка Петра I-го и его железная воля, но не для стеснения свободы, а для обуздания чиновников и дворцового произвола, разграбление казны, туеядство — бездарности, неповиновение законам, повальное пьянство и невежество.

Правда ли, говорит <прзб.>, что есть места в России, где у крестьянина, от уплаты податей, на годовое его продовольствие остается в кармане 90 копеек!! и что будто наши крестьяне платят почти что 100 процентов с того дохода, который они получают с земли. Это требует проверки.

В иных уездах, где фабрики, все крестьянство во власти кулаков, все задолжало оно им, развращено, спилось и разорено в конец. Не

* Великий князь Константин Николаевич.

пройдет 20 лет, как уже в России, т.е. с крестьян, правительству собирать будет нечего (если управление не переменится).

21 сентября. Вчера слышал, будто бы на маневрах под Варшавой князь Горчаков, наш канцлер, и Милютин, наш военный министр, повздорили. Князь, говоря с ним, употребил следующую фразу — весьма глупую: «Как вы хотите, чтобы я, как дипломат, поступал так, как следует, когда у меня на руках две гири, одна гиря — военное министерство, а другая — министерство финансов».

Милютин пошел на днях к нему и сказал: «Я прошу вас никогда того не говорить, так как я, если будет угодно Государю, могу выставить немедленно 2 000 000 войска».

Это все возможно, только петербургские умные люди не верят в возможность быстрой мобилизации нашей армии — у нас нет ни средств, ни порядка, ни достаточного количества честных людей. Будь у нас сам гр. Мольтке, и тот у нас на месте военного министра ничего бы не сделал потому, что не смел бы требовать отчета, ни распорядиться там, где войсками заведуют великие князья Михаил и Николай Николаевичи.

Невольно при этом приходит в голову: возможно ли предать у нас гласности и ответственности за злоупотребления или хоть изобличение этих злоупотреблений, если в будущем на всех высших постах в России будут члены царской фамилии?

Завтра придется показать Комитету цензуры иностранной следующее место в газете «The American Register» (№ 141): «Жалованье, которое получают различные монархи в Европе, следующее: Александр II — 9 152 000 или 25 000 в день. Абдул-Азис 9 000 000 или 18 000 в день. Франц-Иосиф 4 000 000 или 10 050 в день. Фридрих-Вильгельм II — 3 000 000 или 8200 в день. Виктор-Эммануил 2 400 000 или 6840 в день. Виктория 2 200 000 или 6270 в день. Лсопольд 600 000 или 1643 в день. И все это кроме дюжины дворцов, с которых не берется никакой пошлины».

Кажется мне, что вычисление не совсем верно, если ежедневное жалованье помножить на количество дней в году, то общая сумма выйдет меньше, здесь показаны только круглые числа и почти все увеличены. Так, если 25 000 помножить на 356 дней (беру високосный год), то выйдет 8 900 000, а не 9 150 000.

Потом при этом невольно приходит в голову, что самые бедные государства и как более запутанные в своих финансовых операциях (почти банкроты) — это Турция и Россия, у которых дворы стоят с лишком в 4 раза дороже, чем двор королевы Виктории, тогда как Англия страна самая богатая.

25 сентября. Носятся слухи об отставке министра финансов Рейтерна. Дай Бог! Но кого назначат на его место. Непременно какого-нибудь туза действительного тайного или пролазу. Шамшин значится товарищем министра финансов — умеет только соблюдать экономию, далее этого он не идет. Про (пропуск у самого Полонского. — В. Т.) говорят, что у него прекрасный голос, что он человек способный, но взяточник — и т.д. и т.д. Я повторяю только то, что говорит общество.

Нынче в день Сергея я был у одного именинника. Доставалось же там министру финансов. Вот что я, на лету, о нем слышал. Это не

министр, это был скорее маклер. Он был помешан на биржевых спекуляциях. Он ни на волос не подвинул вперед ни русской торговли, ни русской промышленности. По его милости у нас нет торговых портов в Черном море, так как он отказал в постройке их англичанам, которые брались на свой счет, без выпуска облигаций, приступить к постройке портов, на очень выгодных условиях. Теперешняя постройка портов Поти идет из рук вон плохо и уже стоит миллионы. Ведя у нас лишние и непроизводительные расходы — отопление одних казенных домов в Петербурге, где живут чиновники, стоит 600 000, двор поглощает не только эти 9 000 000, которые отпускаются от казны, но и те миллионы, которые получаются из удельного ведомства.

Удивительно, говорит гость, — у нас в России печатные статьи, как бы ни были умно и толково они написаны по разным финансовым и промышленным вопросам, не только не влияют, напротив, правительство все делает как бы наперекор им. И через влиятельных жидов легче действовать на правительство, чем русскими книгами и журналами.

Говорили, что единственная финансовая голова в России — это какой-то Гирс, но он давно уже устранен из министерства финансов и теперь сенатором. Но положение дел так плохо, что на обсуждение их решились обратиться к этому Гирсу и вызвали его в Государственный Совет — насколько все это правда, не знаю.

Был у Рождественского, который тоже именованник. Он служил в министерстве народного просвещения, кажется, в качестве окружного инспектора народных школ.

Слышал от него, что в Петербурге в настоящее время всего только 18 однокурсных народных школ, 18, тогда как для Петербурга нужно их по крайней мере 200. Если взять только 15 на школьный возраст (от 9 до 11 лет) с количеством детей простого звания, то и для них по расчету нужно 170 школ.

Деньги есть, но —

В 1869 году Дума предлагала министру просвещения разрешить ей устройство народных школ на суммы, которые пожертвованы городу на разные общественные заведения — их около миллиона. Министерство не ответило. В 1872 году городская дума предлагала 75 000 р. на устройство 30 школ с тем, чтобы они находились под ведением Училищного совета от города. Министерство не ответило.

Теперь только вопрос этот поднят и чем решится? неизвестно.

Учитель народных школ получает всего только 14 р. в месяц жалованья. На это жить нет возможности, поэтому решено им давать частные уроки по 1,50 в месяц с ученика. Плохих учеников набирается много, и они могут жить, и это ведет к разным злоупотреблениям.

Учителя пренебрегают казенными уроками и берегут силы свои для уроков частных, как наиболее выгодных.

Шел также разговор о бразильском императоре. Он очень интересовался первоначальными народными школами, особенно для девочек. Но народных школ для девочек на весь Петербург только 2, и тех нельзя было показать, потому что они не устроены. Бразильский император изъявил желание быть в Смольном институ-

те, в 11 часов утра наш министр явился к нему, чтобы сопровождать его в институт. Оказалось, что он был там в 9 часов утра и вернулся.

Но грустно, что император Бразилии для наших властей есть личность почти идальная, что не ему у нас, а нам у него надо поучиться!

Нынче летом в Павловске на музыке кто-то похвалил при мне вел. кн. Константина за его простоту и его непритязательное поведение в публике, среди гуляющих.

Да, ответили на это, спасибо ему, но наш великий князь принуждает себя быть простым, он играет роль, тогда как бразильский император прост по своей природе и по воспитанию, он не играет никакой роли. Он таков *на самом деле*.

Как Крымская война подняла подол России и показала нам ее раны и болячки, так и восточный вопрос в наше время. Он не ограничивается толками... о славянах, он наталкивает русское общество на то, чтобы осмотреться, — и мы видим такие вокруг себя мерзости, что не удивляемся тому, что войны наш государь объявить не решается.

Везде воровство, везде лесть и предательство.

Довольно уже одного факта: броненосец «Петр Великий» вместо железных ушел в море с деревянными башнями, которые стоили тоже страшно дорого и которые на смотре были показаны государю как железные. Его обманули.

Вчера я слышал немало умных речей по этому поводу от полковника Смирнова, профессора географии в военно-учебных заведениях. У него, очевидно, есть связи в военном министерстве, и он много знает.

Везде воровство, это правда, и нет возможности при теперешних порядках это зло исправить. Из его воспитанников некоторые служат в контрольном отделении военного ведомства, они еще не испорчены и их возмущают цены, которые ставит Адмиралтейство, которое берет заказы; например, последнему заказывается чугунная доска аршина в два, с круглым по середине отверстием. За это цена 600 рубл. Как думаете? Может ли это быть. Начинает справляться с ценами материала и заработной платой, оказывается, что такая доска стоит никак не более 60 или 70 рублей — делает запрос.

Адмиралтейство отвечает, что иначе оно не может работать, что для доски нужно сделать сперва форму, что эта форма может работать или треснуть, тогда нужно другую форму, и другая форма может лопнуть, затем, если доска выйдет неудачно, надо переливать несколько раз, и так выведут, такие цены поставят, что действительно доска в 60 рублей будет стоить 600.

Заказаны у нас гильзы на миллион рублей с лишком, и что ж? Миллион этот для казны пропал: гильзы оказались негодными. Для ружейных гильз, надо сказать, требуется самая лучшая латунь, и деньги получены за самую лучшую, деньги пошли в карман, а латунь поставлена самого низшего качества, которая не выдерживает и одного выстрела.

По бумагам и официальным отчетам, Керчь давно уже вооружена. Оказалось, что нет никакого вооружения. Нужно теперь только вооружать. Опять деньги, т.е. миллионы, шли не на Керчь, а в карманы разных генералов или высокостоящих лиц.

И так всегда и повсюду. Военное министерство завалено никуда не годным оружием или никуда не годными гильзами.

Известно, что шоссе одна верста на ровном месте стоит около 2000 р. не более. Недавно потребовали 10 000 на версту, и дали, ясно, что 8000 с версты попадут в карманы строителей.

Как после этого осуждать какого-нибудь мелкого ворышку и сажать его в тюрьму, когда у нас великих государственных воров награждают орденами, чинами и дают им лучшие места.

27 сентября. Писал письмо к И. С. Тургеневу в ответ на его записку. Я писал ему, между прочим, следующее:

«Явись теперь у нас в народе некто вроде Петра Пустынника с крестом в руках, чего доброго для России или настал бы век крестовых походов, или у нас такого Петра Пустынника посадят в полицию, и крестовых походов не будет...

Восточный вопрос в Крымскую войну раскрыл нам всю нашу мерзость, и тот же восточный вопрос в настоящее время точно так же заворачивает подол России и указывает нам на ее язвы.

Уже за одно это спасибо восточному вопросу. Если и не будет победы, то это волей-неволей наведет у нас всех и каждого на кое-какие размышления. Так суждено нам развиваться нравственно и политически по милости этого восточного вопроса.

И сокрушаюсь, ибо сознаю, что и спустя 20 лет после Крымской войны мы все еще не достойны освободительного дела. Ни умственно, ни нравственно еще не доросли до того, чтобы решить эту трудную задачу — восточный вопрос. Как видно, для того, чтобы решить его, нужна нам воистину святая Русь, а не та, которая „в судах черна неправдой черной“».

28 сентября. Войной пахнет сам воздух, но будет война или не будет — это еще вопрос, не решенный государем. Наследник отослан к государю в Ливадию. Министр финансов тоже. Одним словом, цвет нашей администрации в настоящее время в Крыму. Как-то все эти лица — и в том числе наш посланник в Турции Игнатьев — решат.

Жаль, сказала мне на днях одно из ближайших лиц к наследнику, а именно К. П. Победоносцев, жаль, что наши правительственные лица далеко ниже того, что требуют от нас обстоятельства...

30 сентября. Нынче у фотографа Захарова встретил вдову Лосеву. Муж ее был моряк — адмирал. Я когда-то знал его: это был бодрый, горячий, старый истинный патриот, служака и враг всякой лжи и неправды. Помню, с каким негодованием рассказывал он мне, что в. к. Константин послал чертежи одной новоизобретенной в России пушки (необыкновенной силы) Вильгельму Прусскому, т.е. дяденьке. По части артиллерии Лосев был знаток, под его непосредственным надзором совершалась проба пушек, и он ежедневно ездил на Волково поле. Все чертежи и журналы составлялись под его ведомством на самом месте стрельбы.

И вот вдова Лосева рассказывает мне, что этот замечательно честный моряк и служака, при составлении новых морских штатов, был обойден, мало того, ему назначили в начальники Шварца, бывшего его подчиненного во время кругосветного плавания. Это так его потрясло, что он впал в какое-то болезненное умственное расстройство, и затем он тремя параличами был сведен в могилу. Он

говорил постоянно, что он нуль, что он пустил по миру свою семью, что он забыл, что он не честолюбец, и просил только какого-нибудь более покойного места, чем то, которое вынуждало его каждый день ездить за 10 верст на Винсво. В этом ему было отказано.

Во время болезни раз только посетил его граф Бутенев, и так как болезнь его была чисто нравственная, то Бутенев обманул его (по просьбе жены), сказал, что в. к. Константин очень им интересуется и спрашивает о нем. Это развязало язык Лосеву, он заговорил. Но в сущности, в. к. окончательно забыл о его существовании.

«Боже мой! — говорила вдова, — умрет какая-нибудь танцовщица, на ее похоронах великий князь. Заболей она, высокие особы посепают ее, а заболеет или умри патриот, честный служака, никто и знать его не хочет!»

Сию минуту прочел только что полученный «Дневник писателя» за сентябрь 1876 г.

Спасибо Достоевскому, в его писанье много такого, что выливается прямо из глубины русского чувства и русской мысли. Дай Бог, чтобы у него было побольше чтецов. Все это очень скучно, говорила мне про «Дневник» одна барышня, даже не совсем кисейная. Что же скажут кисейные барышни, которым попадет в руки этот дневник, они его и читать не станут. Ну и хорошо, Россия держится не кисейными барышнями.

В. А. ТУНИМАНОВ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О В. А. ПАНАЕВЕ

Валериан Александрович Панаев (1824—1899) — двоюродный брат писателя, критика и редактора Ивана Ивановича Панаева — литератора, хорошо знакомого Ф. М. и М. М. Достоевским. Ф. М. Достоевский высоко ценил «Литературные воспоминания», фельетоны и фельетонные повести И. Панаева (особенно «Литературную тлю», «Петербургского литературного промышленника», «Русского фельетониста», «Опыты о хлыщах»). Знаком был Ф. М. Достоевский и с В. А. Панаевым, будущим инженером-путейцем, что несудивительно: Панаевы были очень дружны. Валериан Александрович не просто хорошо знал окружение своего литературного брата. Одно время он даже жил на одной квартире с В. Г. Белинским, о чем интересно, с яркими подробностями рассказывал в своих замечательных мемуарах.¹ Рассказал там В. А. Панаев и о своих встречах с Ф. М. Достоевским. Запомнился Панаеву вечер, который устроил его брат с чтением «Бедных людей»: «Белинский, Некрасов и Григорович знали уже этот роман по рукописи, и Иван Иванович устроил вечер исключительно для прочтения еще рукописи этого произведения другим литераторам и знакомым.

¹ В полном виде мемуары В. А. Панаева до сих пор еще не изданы. Самая авторитетная и большая публикация глав воспоминаний дана в приложениях к книге: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 147—273.